

[Polaris]

ДИМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ

ЕЛИЗАВЕТА

ИЛИ
ПОВЕСТЬ
О
СТРАННЫХ СОБЫТИЯХ
ЖИЗНИ МОЕЙ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXCVIII

Salamandra P.V.V.

Димитрий
КУЗНЕЦОВ

ЕЛИЗАВЕТА

или

**Повесть о странных
событиях жизни моей**

Salamandra P.V.V.

Кузнецов Д. И.

Елизавета или Повесть о странных событиях жизни моей. Предисл. Бориса Садовского и автора. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 80 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXCVIII).

«Елизавета» забытого поэта и прозаика 1920-х гг. Д. Кузнецова — изощренная литературная игра, в которой, по признанию автора, использованы темы и мотивы «Огненного ангела» В. Брюсова. Одновременно в героях этой романтической фантасмагории угадываются прозрачно «зашифрованные» Н. Гумилев и А. Ахматова. В книге также полностью воспроизведен единственный сборник стихов Кузнецова «Медальон»; включены стихотворения из альманахов и коллективных сборников и краткий биографический очерк.

ДИМИТРИЙ КУЗНЕЦОВ

ЕЛИЗАВЕТА

ИЛИ
ПОВЕСТЬ
О
СТРАННЫХ СОБЫТИЯХ
ЖИЗНИ МОЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
1929

ЕЛИЗАВЕТА

ИЛИ
ПОВЕСТЬ О СТРАННЫХ
СОБЫТИЯХ
ЖИЗНИ МОЕЙ

Предисловия
БОРИСА САДОВСКОГО
и
АВТОРА.

БОРИС САДОВСКОЙ

В творчестве, как и в жизни, бывают явления самобытные, т. е. возникающие органически, и надуманные или головные. К первым относятся: средневековые рыцари, Москва, поэзия Фета, ко вторым — партия октябристов, Петербург, труды Валерия Брюсова.

Случается и так, что мертвая ткань при известных биологических условиях перерождается и делается существом органическим. Например, кусочек камня, попавший в жемчужную раковину, может превратиться в драгоценный перл. В повести Димитрия Кузнецова «Елизавета» лица и положения взяты из романа Брюсова «Огненный ангел». К роковым недостаткам брюсовского произведения надо отнести: во-первых, его искусственность и схематичность, а во-вторых, холодное безучастие автора к собственным героям. В повести Кузнецова тема «Огненного ангела» перенесена на русскую землю и, лишенная своей эстетической исключительности, облекается живой плотью.

Прекрасный образный язык является одним из главных достоинств Елизаветы. Пересказывать ее содержание и толковать смысл нет надобности: она перед глазами читателя и говорит сама за себя.

Для изображения явлений, возникающих в жизни, нужна некоторая перспектива. Чтобы передать и правильно оценить стиль эпохи, необходимо отойти от нее на расстояние.

Если в наше время многие писатели и художники недурно справляются с темой, трактующей александровский и николаевский ампир, т. е. первую половину XIX века, то восьмидесятые годы почти для всех находятся вне поля художественного зрения. Это является следствием не только эстетического упадка этой эпохи, а также и того, что данное время ближе к нам и не предстает в такой завершенности, как эпоха более ранняя. Когда же писатели берут своей темой наше время, то обычно дело не идет далее изображения бытовой психологии или передачи чувств. Стилистического ощущения быта нет в произведениях этого рода. Отсюда незавершенность формы и отсутствие какого-либо словесного канона.

В предлагаемой повести я хотел говорить об образах, быте, вещах и пейзажах нашего времени с таким же завершенным спокойствием, как об эпохе двадцатых, тридцатых годов прошлого века. Найти слова, сложить фразу о красноармейском шлеме и о мисках коммунальных столовых столь же уравновешенные, как и о льве на ампирных воротах.

Но обрести стиль, словесный канон, которому подчинились бы явления нашего времени, это значит ощутить его в полной завершенности, видеть как бы концы его. Задача, на которую я не претендовал нимало.

Поэтому мне остался тот искусственный литературный прием, к которому я и решил прибегнуть: рассказать о наших днях в манере старинных писателей, освободившей меня по крайней мере от словесной растрепанности и этим самым давшей возможность не растратить стилистического ощущения времени в незавершенной словесной оболочке.

Отчасти отсюда родился и другой прием: перенесения в наши дни темы и фабулы другого произведения, каковым в данном случае явился «Огненный ангел» Валерия Брюсова.

...Но в тот же миг все для меня померкло и я вдруг увидел себя или вообразил себя высоко над землей, в воздухе, совершенно обнаженным, сидящим верхом, как на лошади, на черном мохнатом козле.

Валерий Брюсов, «Огненный ангел».

ГЛАВА I.

О ТОМ, КАК Я ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ, КАК ПОСЕЛИЛСЯ В АРСЕНЬЕВЕ И ВСТРЕТИЛСЯ С ЕЛИЗАВЕТОЙ.

Прекрасные вещи есть на земле. Несколько лет тому назад случилось мне прожить конец лета и осень в Арсеньеве. С опушки соснового леса, от высоких и прямых сосен я видел золотящееся жнивье и рощу, к которой прилегала часть поля — другая тонула в синеватой дали. Эта роща, ограничивающая с одной стороны поле, достаточно близкая, чтобы сделать часть его замкнутой и оттенить линией своих боковых дерев уходящую даль его другой стороны, была очень красива. С ней переглядывались шумящие сосны моего леса, но расстояние, все же далекое, мешало слышать ее ответный шум.

И так здесь я был погружен в созерцание этого кусочка земли, золотого жнивья — замкнутости и дали одновременно; здесь я проводил все мои дни, часто с книгой, еще чаще без нее, почти не обращая взоры назад к разрушающемуся старому дому, белые колонны которого сквозили меж сосен.

Читатель этой повести захочет, быть может, прежде нежели приступить к ее чтению, узнать некоторые подробности об авторе. Я — уроженец средней России. В то лето, к которому относятся описываемые мной события, мне шел тридцать третий год. Я уже давно окончил университет, в Москве, ныне ставшей вновь столицей моего отечества, и прожил несколько лет в странах Запада, изучая там историю

средневековой культуры. Но занятия мои должны были прерваться, так как волны истории, поднявшиеся слишком высоко, затопили мирные равнины Европы, и в великом смятении народов я должен был променять перо ученого на меч воина, вернее ружье солдата в армии генерала Жоффра. И так воды Марны остались неизгладимо запечатленными в моей памяти. Когда же на моей родине произошли события, потрясшие ее бытие, и она вышла из союза держав, призвав воюющих к миру в городе Бресте, — тогда я вновь увидел ее поля, и мне казалось, что за сотни верст я вижу уже и горы Урала, куда, по слову поэта, надлежало нам, быть может, уйти, на братский пир созывая народы бряцаньем варварской лиры.

И так я вернулся на родину, скиталец, восемь лет тому назад ее покинувший. Еще в своей душе нес я, как бы начертанный, образ стран мною виденных. Еще стрельчатые соборы маленьких провинциальных городов поднимали там свои башни, и снегами блестали пики Альп, а глаза мои уже жадно впитывали даль полей и синеву лесную. Должен я сказать, что спокойная любовь к науке сочеталась во мне со свойством, казалось бы с ней несовместным. Тем не менее это так — историк уживался во мне с авантюристом. Много раз я думал над разгадкою этого и пришел к мысли, что та же любовь к созерцанию судеб народов и людей, желание охватить взором мудрой логики начало и конец цепи событий — заставляли меня становиться испытателем, связывать свою судьбу, с судьбой других и чрез судьбу их понимать собственную.

Я не буду описывать то, что увидел на родине. Скажу только, что потеря имущества, которое у меня там осталось, не причинила мне горечи и не вызвала озлобления. Научные занятия мои давно уже были прерваны, и дух скитаальчества, — неудержимо влекущий, заставил меня переменить за короткое время много мест. Города провинции, некогда мирно спавшие, а ныне залитые кровью, прошли перед моим взором. Их жители, одни охваченные страхом, другие порывом мужества, все смятенные, то считали жизнь свою навеки конченной, погруженной в небытие, видя впе-

реди лишь жалкое прозябание, то безумствовали, предавшись ложным надеждам, неспособные различить пределы, поставляемые временем всему совершающемуся. Я же хотел жить и видел дни свои, уходящие в прошлое, продолжающиеся в будущем нитью непорванной и крепкой. Я хотел уловить оттенки времени, некий стиль, делающий эпохи неповторимыми. Для этого же надлежало мне связать себя с действительностью. Почему, думал я, быть мне беднее других, поставленных в иные века, зачем растратить единственный и бесценный дар — связь со своим временем, как бы оставив свое место на земле незанятым. Века и люди прошлого восставали во мне, я же слишком любил себя и их, чтобы пренебречь и своим и их будущим. Следовало лишь сохранить некоторую бодрость и ясный взгляд.

И так, как я уже сказал, я переезжал с места на место, всматриваясь в происходящее. Наконец лето 1920 года застало меня в Арсеньеве, расположенному верст за пятьдесят от Москвы, в помещичьей усадьбе, разбирающим старинный архив и библиотеку, там сохранившиеся. Первое время своего пребывания я решил отдохнуть, так как работы было мало, времени же впереди достаточно. Мне хотелось сосредоточиться, и сквозь стволы моих прямых, уныло шумящих сосен, глядя в поле, увидеть вечно меняющийся и неизменный лик той, которую в то время называл я Россией. Я искал одиночества, а потому и не сближался с другими обитателями дома, людьми приведенными сюда игравшим ли случаем или мудрым водительством судьбы против их воли и желания.

Один из них был агроном с севера России с женой и двумя детьми, другой учитель, также обремененный семейством. Оба они вместе с телеграфистом и сторожем жили в первом этаже этого прекрасного дома в стилеalexандровского ампира, предоставленного местным волисполкомом под квартиры сельской интеллигенции; я же выбрал себе комнату на антресолях, как потому, что хотел большего одиночества, так и потому, что был прельщен прекрасным видом, открывавшимся из окон. Я люблю даль, ибо даль более всего говорит мне о судьбе моего народа. Синей каймой

неведомых лесов, лежащих за полями, она каждое утро заставляла меня обращать взоры в свой поглощающий простор и каждую ночь поднимать их к небу, к серебрящимся над ее туманностью звездам.

Вечером того дня, с которого начинают следовать описываемые мною события, я поздно вернулся из леса и погруженный в свои мысли сел по обыкновению у окна. Так сидел я довольно долго, думая над тем, что по возвращении на родину жизнь моя не ознаменовывается событиями личными, прямо меня касающимися, а потому остаюсь я в роли стороннего наблюдателя, собственной судьбой, супротивной или милостивой, несвязанный с временем, и стремления мои понять и запечатлеть образ действительности остаются бескровными, ибо душа, не потрясенная волнением личным способна лишь быть зрительницей.

Было уже за полночь, когда вдруг ясно и отчетливо услышал я, как в соседней комнате чей-то голос произнес имя мое — Георгий. Я вздрогнул пораженный, продолжая сидеть недвижно. Как я уже сказал, в антресолях соседей у меня не было, и это обстоятельство еще более усиливало мое удивление. Я стал ждать, но не прошло и нескольких минут, как тот же голос с еще большей ясностью снова произнес мое имя.

Из комнаты, в которой я жил, не было двери в соседнюю, и пройти в нее можно было лишь через коридорчик, куда выходили двери обеих комнат. Не медля ни секунды, я встал, и выйдя в коридор, отворил соседнюю дверь.

И тогда в комнате, освещенной крошечной керосиновой лампой, на полу я увидел девушку, прекрасную, полуобнаженную, прижавшуюся головой к постели, с простертymi вперед руками. Рубашка, на ней надетая, была разорвана, и сквозь нее виднелось нагое тело, темные косы, полуразвившиеся достигали полу, и вся фигура девушки говорила о страшном отчаянии, ею владевшем. Изумленный я остановился на пороге, первое мгновение не зная, что делать, как вдруг она обернулась и, увидев меня, сказала спокойно:

— Я молилась святому Георгию, и вот он послал мне те-

бя.

Потом она встала, не стыдясь своей наготы, подошла ко мне и, обвив мою шею руками, поцеловала в губы.

И в эту первую ночь, проведенную мною с Елизаветою, стоя на коленях у изголовья ее жесткой постели, я, охваченный волнением смутным, с сердцем, замиравшим от темных предчувствий, сменяемых надежными, услышал от нее историю ее жизни. Из ее рассказа, сбивчивого, прерывающегося промежутками молчания, когда она, казалось, забывала о моем существовании, погруженная в воспоминания, без движения лежа с закрытыми глазами на своей жесткой постели, я узнал, что она была дочь богатых помещиков с юга России, что родители и двое братьев ее погибли во время гражданской войны, а она вскоре после смерти их, в Киеве, уже занятом наступающими белыми войсками встретила князя Георгия и безумно его полюбила. (Фамилии князя Елизаветы тогда мне так и не называла).

С этого времени прошлое для нее как бы перестало существовать, и те несколько месяцев, которые прожила она с князем, переезжая из города в город, так как князь служил тогда в белых войсках, заменили ей всю жизнь. Судя по ее словам, князь отвечал ей любовью взаимной, столь же беззаветной и страстной. Далее последовало событие, на которое Елизавета мне только намекнула и никогда после не раскрыла мне его истинный смысл, а потому и я, вверяя бумаге свой рассказ о том времени моей жизни, коснувшись его с величайшей осторожностью, боясь навести читателя этих записок (если только суждено им быть кем-либо прочитанными) на ложную мысль. Я думаю, что в прошлом Елизаветы была какая-то тайна, которую она вначале скрыла от князя, а потом, в дни их наибольшей близости рассказала ему все. По всему вероятию рассказ Елизаветы так глубоко поразил князя, что его отношения к ней изменились совершенно. Тогда он ее оставил в глубоком отчаянии, терзающую раскаянием в совершенном ею непоправимом поступке. С тех пор они не виделись.

Уже минула краткая летняя ночь, и в открытое окно были видны розовые от зари облака над вершинами сосен,

когда Елизавета, утомленная предшествующим волнением, заснула тихим сном, а я остался сидеть у ее изголовья, глядя на лицо ее, совсем спокойное, не сохранившее и тени так недавно мучившей ее безнадежной страсти. Всего несколько часов я видел это лицо, а уже чувствовал себя связанным с Елизаветою узами крепкими, и без раздумья созрела во мне решимость дальнейшую жизнь свою связать с ее судьбой. Чего я тогда хотел? Я не чувствовал ни зарождающейся любви, ни страсти, хотя, конечно, сознавал возможность в будущем и той, и другой. Даже наверно думал я, что полюблю Елизавету, ибо часто начало любви проходит незаметно для нас, но тогда не это интересовало меня. Жизнь вновь открывала мне свои двери, как бы предлагая войти в некие новые невиденные мною залы, обширные и пустые, с заманчивыми перспективами их колоннад. И мне ли было уклониться от этого?

Было уже около 7 часов утра, когда я тихо вышел из комнаты. Елизавета еще спала. Не заходя к себе, я спустился с лестницы и, выйдя на волю, лесной тропинкой пошел к лугам, где протекала узкая и быстрая речка. Там я разделся и вошел в воду. Струи, еще не нагретые солнцем, ласкали мое тело, утомленное бессонной ночью. Вокруг было тихо, недалеко виднелся лес, и луга уходили в даль. Казалось мне, что я был один в этом мире, безвестном под синей безмерностью купола. Тело мое, скрытое водою, как бы уходило в таинственную материю этого мира, сливаясь с ней, и только голова моя, поднимаясь над водной поверхностью, оставалась свободной, данная более легкой и прозрачной воздушной сфере. И в четкости зрительных образов, и ясности моего сознания, как бы освобождающихся и в то же время связанных с телом, безраздельно погруженным в природу, мир предстал мне тишиной и пустынностью первого дня, еще не ведавшего чертами Запада.

Выйдя из воды и одевшись, я пошел той же тропинкой, осыпанной опавшей хвоей. Сосны шумели над моей головой. Придя домой, я прошел прямо в библиотеку и принял ся за разборку книг. Я работал с достаточной внимательностью, но за старинными томами, переплетенными в ко-

ричневую кожу, с корешками, тиснеными золотом, я чувствовал, как скрывалось то, что в минувшую ночь получило свое начало и, невидимое мною, продолжало существование. Шелест страниц, перелистываемых мною, соответствовал чреде минут, которые на циферблате часов красного дерева, стоявших в углу, пробегала минутная стрелка. Я ждал. И вот, ровно в двенадцать, когда часы били последний удар, дверь отворилась, и вошла Елизавета.

Помню, как она остановилась у шкафа в старом сереньком платье из ситца с открытой шеей и в туфельках на стоптанных каблуках. Волосы ее были просто и гладко зачесаны на виски, и с особой ясностью в то мгновение запечателлась во внешнем облике Елизаветы одна особенность, меня всегда в ней пленявшая: ранняя юность, невинная и свежая сочеталась в ней с чертами женщины уже приближающейся к тридцатилетнему возрасту.

Иногда эти два образа раз'единялись, чтобы жить в отдельные мгновения, и некоторое краткое время я видел возле себя гибкую и нежную семнадцатилетнюю девушку, в следующие минуты напрасно ее отыскивая в двадцативосьмилетней Елизавете. В это же мгновение, когда Елизавета стояла у шкафа, положив на выступ его свою правую руку, оба образа я видел одновременно.

Стоя на одном колене над грудою старых книг, я смотрел на нее. Она первая нарушила молчание и сказала:

— Георгий, пора обедать.

Это было для меня совсем неожиданно. Когда же мы пришли в комнату Елизаветы и я увидел маленький некрашенный стол, покрытый скатертью, и на нем две эмалированные плошки и пару деревянных ложек, обычно употреблявшихся в коммунальных кухнях и столовых различных учреждений того времени, я был поражен еще более, не предполагая после слышанного и виденного в прошлую ночь найти в Елизавете хорошую хозяйку. Впрочем, ко всему этому я отнесся с некоторым недоверием, и показалось мне, что это была лишь маска, за которой скрывалось многое, пока еще мною совершенно не разгаданное. Скажу, однако, что скучная пища тех дней — жидкий суп из фасоли и карто-

фель, поджаренный на постном масле, никогда еще не казались мне столь сътными и приятными на вкус.

Разговор о случившемся ночью так и не возобновлялся ни за обедом, ни во весь последующий день. Елизавета как бы избегала его, я же, со своей стороны, не сделал, конечно, и попытки навести речь на предметы, не скрою того, меня очень интересовавшие.

В этот день, казалось, ее внимание было поглощено лишь заботами внешними, вызванными устройством жизни на новом месте. И чем дольше я наблюдал Елизавету в этот день, тем больше убеждался, что все это ее нисколько не интересовало: она любила маскировать свои искренние чувства, — такова была одна из черт ее странного характера.

Я помогал Елизавете в ее заботах. Ходил с ней в соседнее с Арсеньевым село и в волисполкоме долго разговаривал с председателем, местным крестьянином средних лет, жесткая рука которого, ныне также ловко владевшая петром, как за несколько месяцев перед тем винтовкой, а шесть лет тому назад сохой, наконец написала резолюцию об отпуске вновь приехавшей в Арсеньево учительнице школы 2 ступени, Елизавете Николаевне Сухотиной, семи фунтов муки ранее срока в счет пайка. Впрочем, разговор с председателем оставил во мне хорошее впечатление, ибо мужицкая душа, хозяйственная и расчетливая крепко сидела в его коренастом теле и окладистой рыжей бороде, а зеленая гимнастерка, такого же цвета штаны и обмотки говорили мне не об изменении его основной сущности, а более о годах военных скитаний по безмерным полям, грязных поездах и неизвестных городах, словом, о всем том, чем было полно то время, подобно великой эпохе переселения народов, устремившееся в неведомое будущее.

Кончив дела в волисполкоме, мы отправились обратно в Арсеньево. Вечером же того дня, я, благодаря Елизавете ближе познакомился с семьями учителя и агронома. С учителем Елизавета, оказалось, уже виделась накануне во время моего отсутствия; с ним в наступающую осень ей предстояло начать работу в школе.

Когда мы пришли к учителю, агроном с женой сидели у него и пили чай. Я думаю, все они были удивлены нашим посещением вдвоем. Мы с Елизаветой друг с другом держались как старые знакомые. На столе кипел самовар, в сухарнице лежал белый хлеб, еще столь редкий в то время, и в комнате, несмотря на случайную обстановку ее, соединявшую какие-то старые венские стулья с прекрасным шифоньером красного дерева и овальным столом в стиле ампир, каким-то чудом уцелевшими в усадьбе, мне было приятно сидеть и слушать одним ухом рассуждения учителя, а другим легкий шум начавшегося дождя и тиканье стенных часов. И мне нравилось то кочевое, что было в том времени, а за случайностью лиц и вещей только яснее ощущал я нечто единое и неизменное, что, казалось, завязывало одной нитью времена и как бы проходило там за черными окнами, стуком дождя в стекла напоминая о себе.

Так за обыденными разговорами, полными недовольства настоящим и сожаления о прошлом, рассуждениями учителя о блокаде и непонятной политике союзников, о свободной торговле и правильном понимании учения Карла Маркса закончился вечер того первого дня в цепи дней, полных событиями странными, участником которых суждено мне было стать.

ГЛАВА II.

О ЧЕМ Я ГОВОРИЛ С ЕЛИЗАВЕТОЙ НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГЕ.

Уже приближались дни середины августа, и прохладные вечера закрывали поля и безлюдные деревенские проселки, которые в часы, последующие за заходом солнца, уводили меня с Елизаветой в темнеющие дали, когда стал я замечать в ней некоторую тревогу и как бы желание выскакать мне нечто ее тяготившее.

До сей поры отношения Елизаветы ко мне определялись властным требованием подчинения всех моих действий ее желаниям, правда, пока не выходившим из круга обычности, но как бы намекавшим на то, что все происходящее есть только подготовление к тому, что потребуется от меня в последствии. Это не было испытание, ибо с самого первого дня Елизавета дала почувствовать мне некоторую предназначеннность мою к совершению чего-то, а при этом, разумеется, уже не могло быть сомнения в том, есть ли во мне те качества, которые она предполагала.

И вот однажды, когда я шел с нею дорогой, пролегавшей за Арсеньевым, меж овинов и гумен, и красный рог луны медленно поднимался из-за крыши сенницы, я сказал:

— Лиза, кто и что я? зачем я тебе? Я не муж твой и не любовник и даже сомневаюсь, друг ли я твой?

— Зачем тебе нужно кем-то быть, отвечала Елизавета. Будь самим собой. Ты хочешь затеять какой-то разговор и что-то выяснить, когда все ясно и так.

— Но мне кажется, что я все же для тебя что-то значу и нужен тебе.

— Конечно, мы все друг другу нужны и все что-нибудь значим. Разве ты это забыл?

— И только?

— Неужели тебе этого мало. Ты меня любишь. Ты будешь со мной до тех пор, пока я не найду Георгия. Разве в этом нет твоей особенности перед другими.

На это я ничего не ответил Елизавете, и мы продолжали молча идти по дороге. Я всматривался в даль. Где то в ближней деревне мерцали два огонька. Мне вспомнилась моя юность. Когда-то я любил девушку или только думал, что люблю ее и также бродил с ней в полях по вечерним дорогам. Тогда я чувствовал близость дома, и в темнеющей дали с неведомыми огоньками мерещилось мне будущее. Пейзаж, окружавший меня ныне, напомнил мне прежнее. Как будто эти поля были далекие поля моей юности. Мысленно перенесся я в прошлое. Не в Андреевке ли светят эти огоньки, не тут ли за поворотом дороги стоит наш старый дом.

Увы, хотя все это было далеко, но в огнях, отделенных от меня черным пространством полей, по прежнему виделся мне смутный образ будущего, и шедшая возле меня девушка, властно связавшая мою волю, казалось, не вела ли меня к нему. И я сказал Елизавете, взяв ее руки:

— Лиза, случай или то, чего я так жадно искал всю жизнь, надеясь в нем связать воедино все стороны моего существа со временем, в которое я поставлен, случай — в своей непреложности становящийся любовью — впервые предстоит мне в твоем лице. Он не безмятежен и не ясен. Ты любишь того, кто как и я, носит имя Георгия, поэтому события может быть будут разрушительными, и моей душе предстоит быть сломленной, но я все же надеюсь сохранить ее несмотря на все опасности и разочарования, которые меня ждут. Я не хочу уклоняться от испытаний и пройду через весь искус безумия... В конце концов мне все же останутся воспоминания и тихая пристань.

Вместо ответа Елизавета обвила руками мою шею и прильнула ко мне в поцелуе долгом и страстном. И этому вечеру суждено было стать первым вечером наших ласк.

Теперь, когда все это уже далекое прошлое, образы которого предстают мне в своей завершенности, утратившие мягкость и волнующую страсть настоящего, воспоминания о том вечере в своей ясности подобны для меня картины, исполненной искусством мастером золото-красной пылаю-

щей сепией и сохраняющей навеки выражение лиц и движений в точной манере письма.

Эту ночь, как и ту первую, мы провели вместе. Только Елизавета теперь уже для меня одного раскрыла те тайные, как бы завесами закрытые стороны своего существа, о которых ранее я мог помыслить только смутно, в бледных образах, столь удаленных от прекрасной действительности, как далеки очертания видимого сквозь матовое стекло от предмета, в непосредственности представшего ясному зрению. Ни разу не назвала она князя Георгия. Ни разу даже тень его тени не прошла меж нами, соединенными в страстном об'ятии. И в то же время я знал, что он был в ее сердце и о нем говорил мне плоский золотой медальон с изображенным на крышке Георгием Победоносцем, надетый на ее шее, который не сняла она даже нагая, ласкам отдавая свое тело. Но в глазах ее я видел лишь нежность, а в теле желание, ко мне обращенное, и уста, долгими поцелуями соединенные с моими, хотя и произносили общее имя, однако, говорили о любви ко мне с искренностью столь же неподлежащей сомнению, сколь невозможно сомнение в собственном бытии. Только мертвая материя прекрасной формы, золотой медальон, должно быть хранил истину, тайную для меня.

ГЛАВА III.

О НОЧИ И СОЗВЕЗДИЯХ И О НАШЕЙ ПОЕЗДКЕ В МОСКВУ.

С этого времени в жизни моей произошла резкая перемена. Неопределенность моего положения хотя и не исчезла совсем, все же наступило то, что можно было назвать, если не полнотой счаствия, — по меньшей мере его половиной. В то время о будущем я совсем не думал, и лишь иногда как бы появлялся передо мною в какой-то туманной дали неясный облик князя. За то все настоящее принадлежало мне, а с ним и видимость счаствия. Елизавета из таинственной и недоступной властительницы моей воли превратилась в покорную и страстную любовницу, и я ею владел безраздельно. Так проходил день за днем. И в мире, который созерцал я, соединенный с единственной, уже начался золотой листопад. Природа предстала мне ясностью полевых далей и осенней тихостью лесов.

Однажды Елизавета, в позднюю ночь, лежа со мной на своей жесткой постели и подперев обеими руками голову, в положении, которое обычно принимала она, когда смотрела на бесчисленные осенние созвездия, сказала мне:

— Георгий в Москве. Я скоро его увижу. Ты же поедешь меня проводить.

Я молчал. Удар подобный электрическому, казалось, прошел через мое тело. Так прошло, быть может, несколько минут. И в это время я почувствовал ясно, что рушилось здание, выстроенное мною, в которое я замкнул себя в иллюзиях, подобных созданным сновидениями или зеркалами. Власть князя, всесильная над этой женщиной, казалась мне магнетической волей, направленной из какой-то неизвестной дали. Но страстное желание противоборствовать ей хотя бы мгновение, и в этом мгновении исчерпать все возможное для побежденного, заставило меня быстро подняться, сорвать одеяло, покрывающее тело Елизаветы и отдать его серебряному лунному свету, падавшему в окно, и своим несы-

тым взорам. Елизавета не изменила положения, и все также вытянувшись и подперев руками голову, странно напоминая сфинкса, нагая, недвижно смотрела на созвездия, колдовавшие над унылыми осенними полями, перелесками и деревушками России в тот год междуусобных войн, когда знак пятиконечной звезды на шлемах, подобных древним, достиг пределов южного моря.

О, я хотел навеки неизгладимо запечатлеть в душе своей это мгновение. Я видел тело Елизаветы, отданное взорам моим с прекрасным спокойствием жены, лишь до времени скрывшей желание и душу ее, прикованную к тайне созвездий или тайне другого, в них заключенной.

И она, нарушив неподвижность своего тела и обернувшись ко мне, со страстью искала губ моих. Так в ласках про вели мы эту ночь, исполненную для меня и сладкого счастья и ужаса, когда на позднем осеннем рассвете тяжелый сон без сновидений сомкнул мои веки.

* * *

Но спал я не долго: было еще рано, когда Елизавета разбудила меня. Она была уже одета и только что кончила по видимому собирать в небольшой чемодан свои и мои вещи.

— Вставай скорей, Георгий. Разве ты забыл, что сегодня мы едем? Надо торопиться на поезд.

Я быстро оделся и, ни о чем не спрашивая, стал помогать Елизавете в последних приготовлениях к от'езду. Тяжелое и гнетущее спокойствие как бы сковало мои мысли, однако за всем этим скрывались тоска и ужас, до поры до времени не видимые, точно змеи в расщелинах каменистой местности.

Вскоре мы вышли из дома. В начале моих записок я уже говорил, что усадьба была расположена на краю соснового леса, отделенного полем от небольшой рощи. Дорога к станции шла сначала по опушке этого леса, потом сворачивала в поле и полем приводила к роще, за которой находилась

станция. До рощи я шел, не оборачиваясь назад, и только здесь, вступив на лесную дорогу с глубокими колеями, обрившимися от осенних дождей, обернулся. В прозрачной чистоте воздуха, отделенный пройденным полем, белел дом своими колоннами и сохранившимся орнаментом фронтона. Тут словно чужой голос сказал мне, что я более не возвращусь в этот дом и поле, оставшееся позади, пройдено мною в последний раз.

* * *

Мы вышли из рощи, и взорам нашим открылся простор осенних полей — пустынная безмерность земли, поглощающая и тихая. Налево приютилась маленькая станция, и тянулась линия железной дороги, начавшаяся где-то в неизвестной дали и опять уходящая в даль. К станции подъезжали телеги, и на платформе суетились люди. Я смотрел туда, где скрывалась железнодорожная линия и думал о том, что там за отдыхающими полями, которым казалось не будет конца — на самом же деле совсем недалеко лежит город, огромный и смутный, с неуловимым лицом, как бы утративший четкость оседающих кристаллами веков, более мыслимый, чем существующий и недоступныйциальному восприятию, а лишь откуда то возникающий на зов ли отдельной мысли, или чувства, одной гранью своей поверхности и свободно предоставляющий каждому доканчивать в своем воображении его скрытую сущность.

В эту минуту Елизавета пошла быстрее, и я ощущил в своем теле нечто похожее на слабость. Я словно утратил все точки опоры, все нити, которыми связываются наши чувства, чтобы не получить безмерной свободы невозможного. Это жизнь шаталась во мне. И от осенней земли и тонких былинок до безмерности бледного и прозрачного купола я ощущил ту же свободу и забвение всего.

Тут мой взгляд упал на Елизавету. Ноги ее в черных прозрачивающих чулках и маленьких туфлях придавливали

влажную землю, и каблуки оставляли чуть заметные следы. И никогда до сих пор в такой мере неиспытанная мною жажда обладания пронизала меня. Куда она шла в этом поле? Куда она шла так легко и свободно, попирая эту землю, теряя свои следы ненужные ей, а мне? В это мгновение я дал клятву — кому не знаю, — но то была клятва раба. И тогда овладело мною желание гибели...

* * *

Как и все поезда того времени, поезд подошедший к станции был переполнен народом. С большим трудом удалось мне с Елизаветой взобраться на площадку и уже во время хода поезда пройти в вагон. Пассажиры, его наполнявшие, принадлежали к самым различным слоям населения, и внутренность вагона представляла любопытную картину соединения человечества в поисках хлеба насущного, ибо мешки с картофелем в равной мере обременяли как плечи работниц предместий, так и плечи некогда элегантных дам. Все виденное мною тогда по всему вероятию дало бы прекрасный материал Герберту Джорджу Уэллсу для лишних страниц книги «Россия во мгле» — мною же было замечено лишь вскользь и услышано краем уха, так как менее всего был я пригоден в тот день к роли наблюдателя. Однако, из всех тогда виденных мною лиц, два лица запомнились мне и с такой ясностью, что, я думаю, память навеки сохранит мне их. Впрочем случилось это по некоторому сходству и одновременно контрасту, давшим мне возможность сравнить себя и Елизавету с этими неизвестными мне молодым человеком и женщиной. Они стояли у раскрытого окна. Она облокачивалась на его руку, с нежностью необычайной прижавшись к нему, теснимая окружающими. Ветер, врывавшийся в окно, трепал и развивал ее волосы. Ей было лет 19, и, конечно, она недавно стала его женой. Они существовали лишь друг другом, не видя окружающего. Я же в глазах и каждом едва заметном движении женщины прочел все тай-

ны их ночей. Слезы выступили на глаза мои, и тоска снова сжала мне сердце. Я взглянул на Елизавету, — но на лице ее не мог прочесть ничего.

* * *

Наконец мы приехали, и поезд наш остановился у первого рона. Нас поглотили гулкие залы недовершенного огромного здания. Мы прошли под нависающими арками покрытий, мимо величественных и обнаженных стен, которые несколько лет спустя завершились орнаментом барочных цветов, тогда же оставались лишь замыслом архитектора, продолжившего прерванную веками традицию.

Потом проехали мы городом в старенькой пролетке с синим сукном, с детских лет знакомой мне извозчикье пролетке. Город был странен. Лишенный блеска магазинов, крикливой и наглой жизни вывесок, с выбитыми оконными стеклами забитыми досками, зеркальными стеклами витрин, пробитыми пулями и скрепленными замазкой и маленькими деревянными кружочками, с дыром из железных труб, выставленных в окна, и черными пятнами копоти на стенах. И среди всех этих разрушений я увидел, как все тот же золотой ангел трубил в золотую трубу на Красных Воротах, и на Мясницкой лев со щитом сидел у многоэтажного дома, а над кругом Лубянской площади высоко поднимался Гермес на доме с часами, и нагие полу-отроки, полу-юноши держали чашу фонтана. Мы проехали центр, и вновь я вдохнул запах старины на Никитской и грусть и тишину осени в безлюдных Кисловских переулках, странно запутанных, еще сохранивших частицу жизни тридцатых и сороковых годов. Тут извозчик наш остановился у старого двухэтажного дома.

ГЛАВА IV.

КАК Я, ЕЛИЗАВЕТА И НИНА ПРОЖИЛИ ОСЕНЬ В ДОМЕ НА БОЛЬШОЙ КИСЛОВКЕ.

Квартира, в которую мы вошли, напоминала многие квартиры того времени. В город уже начался наплыв населения, раз'ехавшегося в предшествующие годы, и значительное количество разрушенных домов и вновь открывшихся учреждений в сильной мере способствовало чрезмерной населенности квартир. Кто-то, шлепая туфлями, открыл нам дверь в темную прихожую, и Елизавета, очевидно уже знакомая с расположением квартиры, провела меня коридором до самой дальней двери. Мы вошли. В комнате, заставленной различной мебелью, по большей части старинной, на небольшом диванчике с выгнутой спинкой, образовывающей как бы подобие двух кресел, поджав ноги и склонившись над книгой, сидела девочка лет 19-ти с густыми волнистыми волосами цвета каштанов, непричесанными, а лишь сзади перевязанными черной лентой. На маленькой, сложенной из кирпичей, печке готовился должно быть обед, и в комнате был слышен запах поджарившегося картофеля. Девочка обернулась и, быстро поднявшись с дивана, воскликнула:

— Лиза!

— Ты не ждала меня сегодня, Нина, — сказала Елизавета. Я не задержалась, и приехала по твоему письму.

После этого Елизавета обратилась ко мне:

— Это Нина, двоюродная сестра Георгия, мужа моего. Она известила меня о приезде его в Москву.

Нина же вопросительно и смущенно смотрела на меня. И, как бы отвечая на безмолвный вопрос серых глаз Нины, Елизавета продолжала:

— А это тоже Георгий. Ты же можешь называть его, если хочешь, Георгием Николаевичем. По некоторым обстоятельствам во время отсутствия Георгия, он как бы занимал его место. Так было нужно. Ты не удивляйся.

С милой приветливостью Нина предложила нам пользоваться ее комнатой, как собственной, и пока Елизавета умывалась и причесывалась перед старым овальным зеркалом, стол уже был накрыт. Нина сказала, что она скоро вернется, и куда-то вышла. Воспользовавшись ее отсутствием, я спросил Елизавету о Нине. Елизавета ответила, что знала Нину еще в Киеве, что она совершенно одинока, с полгода тому назад переехала с юга в Москву и теперь играет в одной театральной студии.

Мы сидели рядом на том же изогнутом диванчике сороковых годов, на котором недавно передо мной сидела Нина. Смутно было в душе моей. Елизавета молчала. Взор мой полурассеянно перебегал по вещам, стоявшим в комнате неизвестной мне девушки. Наконец он остановился на старых ширмах, затянутых выцветшими гобеленами. На одном из них рыцарь примерял молодой супруге диадему, а она одетая в белое платье с голубым корсажем, смотрелась в зеркало, на другом — девушка, босая, низко склонившись к земле, кормила голубей, на третьем — полунасвая Хлоя представляла свои розовые губы поцелуям Дафниса на ложе, покрытом звериными шкурами. Вдруг Елизавета сказала мне:

— Ты, может быть, думаешь остановиться где-нибудь в другом месте. Этого не нужно. Мы должны жить вместе до тех пор, пока я не встречу Георгия.

Скоро вернулась Нина. День этот мы провели втроем. Наступил вечер и серым рассеянным светом сумерек, медленно перешедших в тьму, скрыл за окнами тихий уголок города и точно замкнул наши чувства в один круг. Часто глаза Нины подолгу, с робким любопытством останавливались на мне, и узы странной близости словно соединяли нас. Я думаю, что в тот вечер я и Нина оба почувствовали друг в друге отсутствие собственной воли и беспомощность нашу перед той, которая взяла нас за руки, повела как детей, ни слова не сказав о том, куда и зачем ведет.

Было далеко за полночь, когда Елизавета, встав с кресла, сказала: «уже очень поздно, не пора ли нам всем итти спать». И по ее желанию она легла не с Ниной, а со мной за ширмами, на широкой кровати красного дерева с оваль-

ным углублением в спинке и с четырьмя стройными коринфскими колонками по углам. И в безмолвии глубокой ночи, в темноте, скрывшей от меня образы прошедшего дня и неясно проступающие очертания дня будущего, вновь отдался я ночи, как бы желая сделать ее вечной, чтобы вечно касаться нагого тела.

Но лишь только хотел я губы свои соединить с губами Елизаветы, как она отстранила меня и едва внятным шепотом произнесла:

— Теперь уже нельзя, Георгий. Теперь уже ты не муж мой. Ты мой брат.

* * *

На следующий день я рано ушел из дома. Я решил отказаться от своего места в Главном Управлении Музеями, связанным с разборкой архива в Арсеньеве, так как Елизавета по получении письма Нины уже сказала заведующему школой, что изменившиеся обстоятельства жизни заставляют ее оставить службу. Школьные занятия в деревнях в тот тревожный год не окончившейся войны и голода еще не начинались, а поэтому ее уроки по французскому языку согласилась вести жена того учителя, у которого когда-то в дождливый летний день я и Елизавета пили чай.

Все это заставляло меня позаботиться о дальнейших средствах к существованию. Поэтому я решил продать несколько сохранившихся у меня золотых вещей, довольно ценных, и в тот же день у Сухаревой башни получил за них от скупщика 200.000 рублей. Сумма эта давала мне возможность в случае необходимости оказать поддержку Елизавете и самому прожить несколько месяцев без службы.

Когда, закончив все эти дела, я к вечеру вернулся в комнату на Кисловку, то застал Елизавету и Нину дома. Предположения мои не оправдались — Елизавета не ходила к князю и весь день пробыла дома. Этот второй вечер прошел, как и первый. Только Елизавета, задумчивая более обыч-

новенного все время молчала, и по комнате, как бы стараясь что то скрыть от моих взоров, легкой поступью переходила стройная Нина.

В последующие дни Елизавета также оставалась дома, а вечера большей частью мы проводили вдвоем, так как Нина была занята в студии.

Наконец Елизавета ушла рано утром, ни слова не сказав нам, куда и надолго ли она идет. Когда дверь затворилась за ней — глубокое отчаяние мною овладело. Я хотел пробыть несколько минут в комнате и уйти куда-нибудь, чтобы остаться одному со своим горем, но силы меня оставили, я сел на диван и, забыв все окружающее, прижался головой к подушке. Я потерял все. Мне не на что было надеяться. Безумный, как я жил эти дни? Я подумал о самоубийстве, снова хотел встать и идти, но оцепенение не покидало меня и безвольный я оставался на месте. Я поднял голову и увидел Нину. Юная и прекрасная в своем сострадании, большими серыми глазами она смотрела на меня.

Я протянул к ней руки и сказал:

— Нина, помогите мне.

Тогда она подошла и опустилась на колени.

— Георгий Николаевич, — сказала Нина. Вы не знаете брата моего. Может быть мне скоро придется утешать Елизавету. Мой брат непреклонен, он не меняет своих решений. И все у Вас пойдет по-старому.

Образ слабой надежды мелькнул передо мной. Я хотел бы только вернуть прошлое. Разве мало имел я когда-то? Я владел слишком многим, даже если я не владел ее сердцем. Только не полное отвержение. Мысль, что Елизавета отныне никогда не будет принадлежать мне, была для меня невыносимой. Она сжигала меня. Я готов был кричать. Словно кто-то насильственно отторгал от меня часть моего тела.

Мои руки сжимали маленькие руки девушки. Мои волосы смешивались с ее еще непричесанными волосами. Вдруг из глаз ее закапали слезы и горячие падали на мои руки. Она тихо сказала:

— Зачем она Вам? Зачем?..

Я ничего не ответил Нине. Однако, сострадание ее меня тронуло. Теперь я не был более так одинок. «Еще, думал я, не все кончено. Елизавета может вернуться сегодня вечером, и, быть может, ей будет нужна моя помощь, а со временем, как знать, успокоенное сердце ее не найдет ли в другом, того, чего тщетно искало в возлюбленном?» Так в молчании проходило время. Нина попрежнему на коленях стояла возле меня, и мы не раз' единили наших рук. Еще никому до сей поры не говорил я о Елизавете, а меж тем сколько страданий вынес один. Более в одиночестве не мог я нести бремя тяжелых и больных моих чувств. Я искал помощи у девушки, бессильный разгадать то тайное, что руководило Елизаветой и без знания чего, казалось мне, не мог я далее не только принять какое-либо решение, но мог лишь погубить себя безумным порывом слепого, которого один ложный шаг приводит к падению в пропасть.

И я рассказал Нине все.

Это признание немного успокоило меня, Нина же казалась сильно взволнованной моим рассказом. Она побледнела и, крепко сжав мои руки, сказала:

— Георгий Николаевич, я очень люблю Лизу и, если бы не любила ее, не стала бы писать ей, что мой брат в Москве. Но все-таки и вы и брат были бы счастливее, если бы ее не встретили. У брата больше воли, чем у вас, а потому вы крепче связаны с Лизой. Я думаю, что вы опять получите ту близость, к которой стремитесь. Я почти уверена в этом...

Тут она подняла на меня свои большие прекрасные глаза и, успокаивая меня, сама, казалось, искала что-то, чего не было у ней в душе в ту минуту. Я же спросил ее, еще более увеличивая ее тревогу:

— Почему же Ваш брат оставил Лизу?

Мне показалось, что сначала она не хотела ответить на мой вопрос, но словно повинуясь тому, что считала своим долгом не скрывать от меня, сказала:

— Георгий Николаевич, Вы сами рассказали мне о Вашей встрече с Лизой. — Вы знаете, что было что-то в ее прошлом, что оттолкнуло брата, когда он это узнал. Точного я тоже ничего не знаю. Брат не говорил, но все же он сказал

мне, что от близости с Лизой делалась душа его темной. Он же хотел только света. Вы знаете, кто мой брат?

— Фамилии его я не знаю. Лиза не говорила мне.

— Но Вы его знаете. Вот он.

Нина встала, подошла к маленькому столику и, вынув из ящика небольшой портрет, подала мне.

Я давно знал это лицо — эту странную голову, чрезмерно вытянутую, эти сощуренные, узкие, в сторону глядящие глаза, эту шею в высоком воротнике. Я вспомнил князя Георгия таким, каким видел его несколько лет тому назад в Москве: его прямую, мужественную фигуру, весь как бы безстрастный образ его, точность движений, однообразие интонаций, все, что запоминается раз навсегда — от глаз до манеры складывать руки, эту необыкновенную внешность, за которой равно могла скрываться и ледяная и пламенная душа.

Тогда мне вспомнились его стихи: конкистадоры и крестоносцы, расплавленное золото песков Сирии, пустынность морей, дикость утесов, звезды и пальмы, тишина заброшенных домов — темная старина, владеющая сердцем, и чей то дух — то в образе первобытного человека, то молящегося араба, то бесстрашного мореплавателя, то того последнего, вступившего в долгожданный бой, завершающий седые и грозные тысячелетия.

Так вот кто был этот загадочный и странный князь мой соперник, — поэт Леонид Рунов, чьи сборники стихов, переплетенные в серебряную парчу, когда-то стояли на полках моей библиотеки и страницы которых перелистывал я в тишине провинциальных городков Франции, сидя вечером у раскрытоого окна какой-нибудь гостиницы с видом на площадь.

Вот кто был он мой соперник!

Уже день стал склоняться к вечеру. Нина ушла. Я остался один. Вновь стала возрастать моя тревога. Каждый звонок, раздававшийся в квартире, потрясал все мое существо. Елизавета не возвращалась. Наконец, кто-то позвонил очень тихо, так, как обычно звонила она. Собрав все свои силы, я вышел в темную прихожую и отпер дверь. То была Елиза-

вета. Она прошла в комнату, я же следом за ней, трепещущий от мысли, что сейчас увижу лицо ее и прочту свой приговор. Войдя в комнату, она села на диван. Я взглянул на нее — и в одно мгновение узнал все. Я смотрел на нее несколько секунд и такой запомнил навеки. О, я никогда не видел образа более прекрасного страдания! Тогда я отвернулся и, кажется, подошел к окну. Через минуту она позвала меня.

— Георгий, — сказала Елизавета — я буду твоей женой, но при одном условии.

Я подошел к ней и взял ее руку. Радость еще не совсем мною осознанная, близкое безумие счастья охватили меня, сдавили грудь мою, и я уже знал, что каждая минута будущего времени увеличит это нежданное счастье, сделает его неизмеримым, — теперь же я только вступаю, как пилигримм, прошедший пустыни, в пределы благословенной земли.

Елизавета, голосом поразившим меня своим спокойствием, как будто печаль ее уже поглотило неумолимое время, вновь повторила:

— Я буду твоей женой, но только при условии, если ты убьешь его. Это не он единственный, кого я всегда искала, он лжец и обманщик. Как он оскорблял меня! Он сказал, что я погубила его — а я для него стала такой. Ему я отдала все. Весь мир. Все. Когда я спала с тобой — его голова была на моей подушке, его руки сжимали мою грудь. Он лишь принял твой образ. Тебя не было. Это был он. Всегда и всюду я была его. Ты был лишь временный спутник, его тень. Но в тебе я все же не обманулась. Я знаю теперь, зачем ты был нужен. Теперь я отдаам тебе — встречному — все, что должен был иметь он. Все равно. Ты слышишь — ты не будешь обманут. Убей его.

ГЛАВА V.

КАК Я РЕШИЛ ПОГУБИТЬ КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ И КАК РАССТАЛСЯ С ЕЛИЗАВЕТОЙ, А ТАКЖЕ О ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИЯХ.

Теперь опишу я последния события, неожиданно и быстро развязавшие тот тут затянутый узел страсти, который привел меня спокойного созерцателя мира, надеявшегося погрузиться в быстробегущую волну современности, только как бы омывающую ступни наших ног, как в воды отошедших веков, уже успокоенные и собравшиеся в водоемы. Я избрал страсть, ту страсть, которую когда-то проходя с Лизой по ночному проселку, назвал я случаем, в непреложности своей становящимся любовью. Я мыслил — через личное, кровью закипающее волнение, соединиться со всемирным. Но, непреложное оказалось обманчивым, и блуждающий дух авантюриста обликом заменил образ, а вместо откровения любви дал мне плен страсти. И все же несколько раз рождаемся мы в этой жизни, и отчаяние, кажущееся безконечным утихает, отходит ряд лет или дней, прошедших под знаком одного чувства, как бы в свете утра меркнут его созвездия. И мы начинаем новый день, и забываеться боль, и успокоенная память сохраняет только как бы некий очищенный и тонкий отпечаток, который уносим мы с собой, отправляясь дале по долгой или краткой дороге, еще лежащей впереди.

И я надеюсь, что «случай мой», страсть меня пленившая, перегоревшая и преображенная тихой памятью, даст мне ныне то, чего не дала ране. Еще душа моя зазвучит в лад со струнами мира! Еще увижу приступающий образ всемирного в воздухе, столь же ясном, как осенняя ясность веков, уже далеких.

И так вот как произошло это.

После кратких и незначащих возражений я решил исполнить требование Елизаветы. Но дуэль, к которой я хотел прибегнуть, была ею отклонена. Елизавета сказала, что не

хочет предоставить исполнение принятого ею решения на волю случая. Она потребовала, чтобы я сообщил во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию о том, что бывший князь Георгий Раменский, крупный деятель контрреволюции и офицер армии Деникина, проживает в настоящее время под чужой фамилией в Москве. Теперь я уже без колебаний исполнил то, чего она желала. Елизавета же взяла бумагу и куда-то спрятала ее в своих вещах.

Я подошел к ней и опустился у ее ног. Как бы четыре глухие стены замкнули для меня страны мира, а низкий и тяжелый свод — звездное небо. Воля Елизаветы лишь одна существовала для меня, а я, мог ли я искать любви ее — раб, трудящийся от восхода и до заката дня.

И вот я прижал голову к ее коленям и, закрыв глаза, словно погрузился в безмолвие ночи, напоминающее вечное безмолвие. А ее губы уже искали мои...

— Милый, сказала она, не думай, что так навсегда. Покорнее меня не было и никогда не будет ни жены, ни невесты, ни продажной женщины. Это последнее желание мое на всю жизнь...

С этого времени Елизавета стала уходить из дома на целые дни, — но куда я не знал.

В странном томлении и ожидании проходили для меня эти дни, которые проводил я по большей части с Ниной. По временам было это невыносимым мучением, и я думал, как могу оставаться вдвоем с девушкой, смотреть в прекрасные глаза ее, принимать от нее всю ласку утешений и нежного внимания — я убийца ее брата.

Но странно, чувство, которое казалось должно было бы сделать пребывание мое в этом доме невозможным, овладевало мною лишь на краткое время. Мгновенно затихала щемящая боль, словно забывал я все мною сделанное, словно не было у меня прошлого, и прожитые недавно дни казались мне неглубокой рекой и столь быстро текущей, что за зыбкой рябью поверхности не видел я пещаного дна ее, усеянного камнями. Странные, смутные то были дни — без прошлого, без будущего, себе довлеющие, как сновидения;

печально легкие, прерываемые лишь тревожной памятью, словно стучавшей в двери наглухо запертого дома.

И вот я уже утратил их счет, когда однажды Елизавета, возвратившись вечером домой, позвала меня за ширмы и шепотом, так как Нина в тот вечер была дома, а затем все громче и громче мне сказала:

— Георгий дорогой, прости меня. Сейчас я послала письмо. Но он не должен погибнуть. Я все также люблю его. Ты должен его спасти. Но чтоб бежать, ему нужны другие бумаги, отдань ему свои — пусть он бежит под твоим именем. О, я прошу тебя. Времени мало.

Она упала передо мной на колени, целуя мои руки.

— Я верю, тайный голос говорит мне, что после отступления белых он остался в России, потому что он все еще любил меня, хотя мы уже расстались. Он не мог оставить ту землю, где была я! О, я безумная, низкая...

Рыдая, она продолжала целовать мои руки.

— Я буду, снова буду его. Так будет, будет.

— Лиза, сказал я, не тебе просить меня об этом. Возьми все, что ты желаешь. Это лучшее из всего, что могло быть.

Тут я отдал ей свои документы.

Она же, прижавшись к моей груди, едва слышно сказала: «прости».

Уже губы ее отделились от моих, а руки оставили мои, но не успел еще я утратить ощущения прикосновения, которые жили свои краткие мгновения, наполовину подобные действительности, наполовину иллюзии, постепенно исчезающие, как зрительный образ уходящего в даль, — когда безумная мысль, блеснувшая как молния, вновь собрала оставившие меня силы. Я сказал:

— Лиза, не ты просишь меня, а я прошу у тебя последней милости. Я решил умереть. Решение мое неизменно. Я хочу только, я лишенный собственного бытия, умереть, приняв, пусть лишь видимо, его имя, смертью, на которую сам его обрек. Я хочу до конца быть его тенью. Мне нужны его бумаги. С моими переходит к нему подлинная моя жизнь, то что составляло ее всю, ведь я теряю тебя навеки. Как

будто двоим нам дана одна жизнь. Он берет ее, а я беру его смерть.

Я знал и тогда всю трудность выполнения моего намерения: по всей вероятности очень быстро обнаружится мой обман. Но все же я останусь соучастником побега князя. Во всяком случае я не буду уменьшать своей вины, а увеличив ее, смогу достигнуть того, чего хотел — высшей меры наказания. И еще одним соблазном искушало меня мое решение. Я пойду с Елизаветой до его квартиры. Я проведу с ней пол-часа, быть может больше. Мы пройдем запутанными московскими переулками, в холодную осеннюю ночь, рука об руку, так, как ходили каждый вечер Арсеньевскими проселками, как во все века ходили все те, кто любил девушки или женщин, равный им в спокойном обладании той минутой, которая дана мне в удел. И не от меня ли зависит сделять ее равной векам?

Когда мы вышли из за ширм, я увидел Нину. Она стояла, прислонившись спиной к столу, держась за край его своими маленькими руками. Лицо ее было очень бледно, а стройная, юная фигура в своем одиноком и безмолвном страдании необычайно трогательна. Словно была она забыта, и мы прошли мимо нее, затаившей в этом милом облике ослепительную и напрасную красоту чувств.

Она подошла ко мне и, взяв за руки, сказала:

— Я слышала все. Георгий Николаевич, Вы еще приедете?

— Я сказал, что через час вернусь — и мы вышли.

Вечер был холодный, но ясный. Небо сверкало дрожащим серебром осенних звезд. Наши шаги отчетливо зазвучали в тишине переулка. Воздух освежил мой пылающий лоб. Я почувствовал себя успокоенным и бодрым.

Мы шли.

Я думал: еще долгий путь этой старой Москвой, родной с детства. Знал ли я, когда проходил здесь в те давние годы, что вот так пойду и в последний раз — с ней, тогда мне неведомой?

Ты, старый особнячок, с прелестными горельефами греческих женских головок, прощай!

Обратно я решил уже пойти другим путем.

Я давно не испытывал такого покоя. Разве не могу я быть безконечно счастливым? Чего еще не достает мне? Лиза со мной. Вот звучат наши шаги — я держу ее за руку.

Должно быть спокойствие мое передалось ей, она сказала:

— Георгий, милый, помнишь Арсеньево, нашу первую встречу и утро, когда я позвала тебя обедать? Ты удивился, да? Помнишь, как я вошла и стала у шкафа?

Она приостановилась, потянулась ко мне и поцеловала меня.

— Вот так я тебя целовала на тех дорогах. Вот так.

Мы пошли дальше.

— Девочкой я была странная. Рассказать тебе? Нет лучше я расскажу о более позднем. Там были только степи — там ничего не было. Такая, как есть, я стала потом, когда приехала в Петербург учиться. Я попала в среду литераторов, художников и молодых аристократов. Тогда я захотела любить. Я стала искать его. И тогда прошла через все это — кафе, мансарды,очные чайные и проспекты, мистические кружки и оргии, я была натурщицей и девушкой в кафе. Тогда я не нашла его.

Она замолчала и некоторое время мы шли молча. Потом Лиза сказала мне:

— Георгий, ты видишь, что Нина любит тебя. Пусть она будет твоей женой. Она будет тебе хорошей женой. Покорной.

— Это невозможно Лиза, ответил я.

Тут мы остановились у ворот большого дома.

— Вот здесь, сказала Лиза. Мы пришли. Я думаю, что он даст тебе бумаги. Видишь его окно в третьем этаже, — четвертое справа. Я брошу их в окно.

Мы смотрели в глаза друг другу.

— Навсегда, на всю вечность, сказал я.

— Да, отвечала она. Да.

Она хотела уже уйти, но вдруг словно в порыве прежней страсти бросилась в мои об'ятия.

— Помни, что твое имя всегда будут произносить мои губы.

Это были последние слова, которые сказала Елизавета. Она скрылась, и дребезжа стукнула за ней большая стеклянная дверь дома. Я подошел к четвертому окну справа и сел на тумбу у троттуара. Как будто утратил я все свои чувства и был подобен человеку, только что лишившемуся зрения, или в темном полусознании отнесенному в каменный склеп. И только, как последнее потухающее синеватое пламя лампы, теплилась во мне надежда увидеть в окне мелькнувший облик или руку Елизаветы. Сколько времени прошло — я не знал, как вдруг сверток упал к моим ногам. Я бросился и схватил его — в нем были мои документы. Я дико вскрикнул. Словно чужая мне сила, безумная и темная, вселилась в меня. Я бросился бежать. Смерть отвергала меня. Как будто все вокруг рушилось. Стены домов, то наклонялись, то сдвигались и сдавливались, как на картинах кубистов, разрушивших физическую закономерность природы совмещением различных тел и обнаживших ее скрытый геометрический скелет. Я бежал все быстрее и быстрее, а долгий однообразный вой выходил из моего горла. Иногда в былое время, когда случалось мне бывать в многолюдном собрании, овладевало мной желание внезапно подняться и, встав посреди толпы дико закричать, — и криком этим в одно мгновение разорвать все связи с людьми нормальными и здоровыми, погрузив себя в хаос безумия. И вот, словно, то с трудом подавляемое желание осуществилось само собой, и дикий безумный зверь, во мне спавший, получил свою свободу на тех камнях родного города, где с детских лет протекала моя жизнь в условиях равных со всеми. И все же кто-то могучей рукой остановил взбесившегося во мне зверя — и мгновенно вся ясность сознания ко мне вернулась. Она поставила на место распадавшийся на куски мир, и в страшной тишине увидел я вокруг себя не наклоненные и сдвоенные стены и освобожденный раз'ятием целого безумный мир геометрических призраков — а стены домов, где длилась моим безумием прерванная жизнь веков в краткой жизни последнего поколения.

И снова я был почти спокоен, когда дошел до комнаты Нины, но тихая и глубокая печаль владела мною, и казалось мне, что до конца дней она уже не покинет меня, найдя во мне вечный приют.

И когда в тишине бессонных часов той ночи Нина мне сказала:

— Ты хочешь я буду твоей женой, если ты потом полюбишь меня, я дам тебе всю радость, которая во мне скрыта, чтобы вся вечно принадлежать тебе.

Тогда мне вспомнились слова Елизаветы и видение тихой жизни прошло передо мною. На одно мгновение я увидел Нину нагой, во всем очаровании новых неведомых ласк. Но словно качнулся и потом расплылся этот образ.

— Я не могу, прости меня, сказал я...

* * *

На следующее утро я оставил Москву и думаю, что не вернусь в нее никогда.

Теперь я оканчиваю мои записки, прожив уже нескользко лет в маленьком и глухом городке на северо-востоке Сибири. Я все еще только завершаю мое прошлое. Как будто недавно оправился после болезни — новых сил во мне нет. Но я знаю, что я вышел из темного круга моей жизни. Не через него лежал мой путь ко всемирному — и голос эпохи мной не был услышен.

Елизавета! Если б она жила в другие века, она была бы одержимой падучей, колдуньей, ее сжигали бы на кострах, мучили на колесах палачи инквизиции, но все равно она была бы та же. Она хотела любви чистой и светлой, но всегда к любви ее примешивался вкус белладонны и паслена.

Теперь я живу один. Я спокоен. Я надеюсь. Городок тихий и сонный. Близко тайга.

Георгий Львов.

ПОЗДНЕЙШАЯ ПРИПИСКА АВТОРА.

Эту приписку я делаю через три года после того, как закончил свое повествование. Последнее время я редко думал о прошедших событиях моей жизни. С каждым днем они отходят все дальше и становятся подобными призракам.

Я живу в том же городе. Год тому назад я женился. За время, которое здесь прожил, я отошел от жизни больших городов, искусств и литературы. В городе всего трое-четверо образованных людей и почти совсем нет книг. Меня окружают вещи простые, люди несложные. Иногда случается, ухожу я за город, грудь моя вдыхает глубокий воздух дебрей, Сибири — тысячи верст, лежащие впереди, отделяют меня от мест, в которых жил я ранее, но люди и вещи тех мест более прежнего близки моему сердцу.

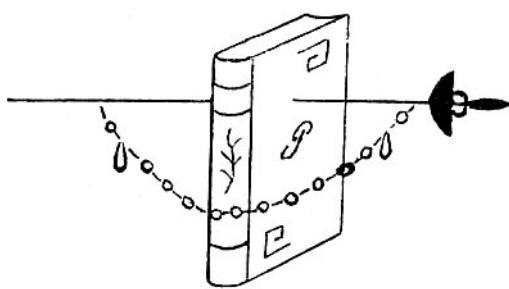
На днях знакомый доктор принес мне небольшую книжку — это была биография поэта Георгия Раменского (Леонида Рунова).

Из нее я узнал, что он был расстрелян осенью 1920 г. как тайный агент Врангеля. Биограф упоминает еще о загадочной любви поэта к Елизавете Сухотиной, которая в ночь, предшествовавшую аресту Раменского кончила жизнь самоубийством, бросившись с лестницы одного многоэтажного дома. На ее шее был надет золотой медальон с его портретом.

И так он вновь отверг Лизу! Этого я не думал. Воспоминания вновь ожили, но... душа моя осталась спокойной. Должно быть это последним испытанием чувств. Теперь я знаю — темное прошлое, ты утратило надо мной свою власть...

Г. Л.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ.

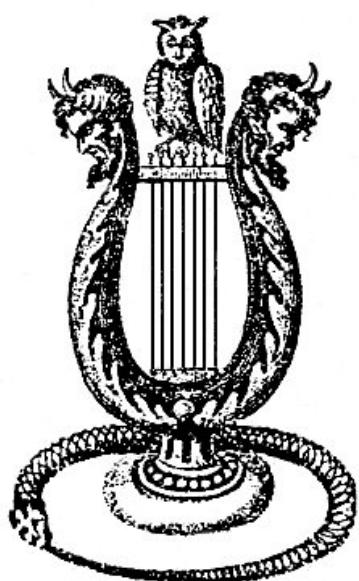
- I. Рисунок на обложке—воспроизведен со старинного книжного украшения.
 - II. Рисунок на стр. 9 с гравюры Альбрехта Дюрера. Воспроизведен также в „Огненном ангеле“ Валерия Брюсова. Изд. 2-ое „Скорпион“.
 - III. Заставка—фрагмент книжного украшения Макса Клингера к „Амуру и Психею“ Апулея. Воспроизведен и принадлежит для заставки автором.
 - IV. Концовка—работы автора.
 - V. Повесть написана в 1925 г. в Москве.
 - VI. Из общего количества экземпляров этого издания 5 именных и 10 в переплетах.
-

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Медальон. Стихи. Предисловие И. Рукавишникова. Издание Всерос. Союза Поэтов. 1924.

ГТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Под губернским гербом. Роман в 2-х частях.
Таврида. Роман в 2-х частях.
Пост. Стихи.
Людмила. Стихи.
Таврида. Стихи.
Подруга дней и ночей. Стихи.
Мухино. Поэма.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МЕДАЛЬОН

Стихи

С предисл. И. Рукавишникова

(1924)

Д. КУЗНЕЦОВ. МЕДАЛЬОН.

СТИХИ.

Друг Кузнецов — земляк мой с Волги.
Стихов тетрадка. В добрый путь.
В путь скорбно-ясный, в кратко-долгий
Куда? Дойдешь куда-нибудь.
Стихи — как тень колонн ампирных,
Любовь и радость, и тоска.
И светлый Пушкин в ямбах мирных,
И в рифмах Пушкина рука.
Не Пушкин пышной злой столицы.
Усадьба. Быль и небылицы.
И няня вяжет свой чулок.
И кот урчит, дремотно строг.
Фарфор, портреты, трубки, книги.
А в памяти века и миги.

Ну, что ж. Без Пушкина нельзя.
Он наша юность, наша слава,
В российский пантеон стезя,
Где ныне громок бой кровавый.
А дальше что же, юный друг?
Вот с круглого двора в деревню
Почуять не рабов, не слуг,
Но изначальный голос древний,
Где все свобода, красота,
Ярилы вольного мечта,
Где песен ритм не книжно-барский
Народа кажет лик бунтарский.
Ну, что же. Книжка хороша.
Счастливо, русская душа!

Читатель. В автора я верю.
Он и поэт, и грамотей.
Он знает Русь, и Чудь, и Мерю,
И стих романский всех статей.
Он знает книжные туманы,
Как и туман родных болот.
Напишет повести, романы,
Когда немножко подрастет.

Из всех наук он знает боле
Науку чтить мечту о воле,
Любить леса, луга, поля,
Все то, чем держится земля.
Он начинает книжкой малой,
Но то, читатель, цветик алый.

Иван Рукавишников.

УСАДЬБА

Деревни зимние и рощи —
Яснее постигаю миг:
Язык зимы верней и проще,
Чем летний лепетный язык.

Так мало слов — и слов не надо:
Пусть говорят снега одни!
Какая тайная услада —
Забыть пережитые дни.

Вот еду. Пегая устала.
Возницы понукает крик.
Доха. Медвежье одеяло.
В снегу олений воротник.

А дома — сладкое незнанье
Людских событий. Мирный лад.
Лишь зимних месяцев названья
Так много сердцу говорят.

В окне закат над дальней рощей,
Стихов писанье, чтенье книг...
Язык зимы верней и проще,
Чем летний лепетный язык.

СТРОФАМИ ОНЕГИНА.

Фрагмент I.

Минуты зимние ночные,
День, убеленный сединой,
И все часы вечеревые,
Мной проведенные с тобой,
С больной тоской иль грустью нежной
Так странно вспомнить утром снежным
В двадцатых числах, в октябре,
Деревья видя в серебре,
Уныло слыши звон печальный, —
Как восемь глухо надо мной
Часы пробили за стеной,
Проснувшись, вспомнить в нашей спальней,
Увидя в окна первый снег,
Очарованья сладких нег.
Пить кофе одному в столовой,
Смотреть на бабушкин портрет,
На темный бархат на лиловый
И золотой ее лорнет;
Следить узор из листьев клена,
И дальний неба склон зеленый,
И запоздалый листопад,
Да изб далеких грустный ряд.
Иль звякнув связкою с ключами,
Раскрыть старинное бюро,
Где инкрустаций серебро
И омоченное слезами
Письмо последнее. Оно
На самом дне погребено.

СТРОФАМИ ОНЕГИНА.

Фрагмент II.

Ужель былое не вернется —
Очарованье зимних нег,
Когда она одна проснется
В далекой спальне в первый снег;
С постели утром рано встанет
И подойдет к окну и взглянет,
Как балюстрада за окном
Покрылась первым серебром,
На ветлы старые, седые,
Склонившиеся над прудом,
Уж замороженным ледком,
И на скворешницы пустые,
На дверь сарая, конуру,
И все, что бело поутру.
Установлен круглый стол фарфором,
Чуть светит зеркало в углу,
И вышитый ковер узором
Бежит дорожкой на полу;
Из двери виден стул в диванной,
Портрет прабабушкин и странный
На ножках выгнутых экран,
С цветами выцветший диван.
Но вот часов старинных звучно
Разносится по дому бой —
Она по лестнице пустой
Из антресолей сходит. Скучно
Проходит время. Снова день
Вечерняя сменяет тень.

ИМЕНА.

Дней александровских романы,
Конь Фальконета и луна.
Забыты невские туманы —
Мой ум пленяют имена.

Алина! Нежное признанье
В усадьбе русской прежних дней,
В беседке над рекой свиданье
У серебристых тополей.

Аркадий! Гулкий звон к вечерне.
Несутся сани Поварской,
Морозец легонький вечерний,
Бег конский над Москвой-рекой.

И с опозданием к кузине
Приезд поэта, и пасьянс
За чаем тетушки Полины,
В гостиной вечером романс.

В его усадьбе — лень и тени,
Веймарского поэта бюст
На письменном столе. Сирени
Окно царапающий куст.

Поэт здесь часто вспоминает
Подруги милое лицо.
Здесь в сорок лет все завершает
Его масонское кольцо.

Вот Федор. Дедовы именья
Благоволят его судьбе.

Два тонконогие оленя
И рог на княжеском гербе.

Кавалергард. Потом посланник.
Философ и славянофил.
Любил борзых, с коврами сани
И лавры русские любил.

Там, в Спасском, где звенят стрекозы,
Державинские дни текут;
Меланхолические розы
Графини Лидии цветут.

Под старость там, забыв невзгоды
Любви, волненья, сердца стук,
Седые волосы и годы —
Целует пальцы тонких рук.

Вот две сестры. Екатерина
Петровна — мать — уже стара.
Одну сестру зовут Ирина,
Наташа — младшая сестра.

Любила старшая аллеей
К закату в поле выходить
И итальянскую камею
Носила часто на груди.

Наташа бегала с купанья
Июльским утром в тишину.
Зиму любила и катанье
С высоких гор. Коньки. Луну.

О, поцелуй в вечер длинный,
В крещенье и морозы те,
В большом возке, в углу гостиной,
На антресолях в темноте.

Дней александровских романы,
Конь Фальконета и луна,
Забыты невские туманы —
Мой ум пленяют имена.

ПЕРВЫЙ ЗИМНИЙ ПУТЬ.

Зима, как ты, Алины имя,
Невольно сердцу дорога.
Любуюсь рощами седыми.
Овал портретов. Ямб. Снега.

Вы, старомодные поэты,
Еще прельщающие ум.
И в белом зале звон брегета,
На антресолях смех и шум.

Снега так ровны и блестают,
А руки прячутся в меха,
Когда от ветра защищают
Медвежья полость и доха.

Не ждут года — и тень забвенья
Уже покрыла тень могил,
Но все же нежное смиренье
В своем я сердце сохранил.

Средь юных дней, как откровенье,
Дано мне было с высоты
Твой слышать голос и мгновенье
Лишь созерцать твои черты.

И вот в тиши уединенья
Опять проходят дни мои —
И только трепет вдохновенья,
Как ласки первые твои.

И снова краткое мгновенье
Я вижу прежние черты.
Миг странный. Странное виденье.
Лик искупленной красоты.

ДЕРЕВНЯ

Деревня, к речке склон отлогий.
Снега, снега, о посмотри! —
От розовеющей дороги
До розовых краев зари.

Здесь свой язык, свои здесь речи:
Кайма платка, морщины лиц,
Под коромыслом бабьи плечи
И резкий говор молодиц.

И утром вынутые хлебы,
Когда на окнах свет зари,
И дым седой в седое небо...
Снега, снега, о посмотри!

Тропинка влево изогнулась, —
Уже черемуха цвела.
Под коромыслом покачнулась —
Плеснули ведра — и пошла.

С высоко поднятым подолом,
Чуть-чуть замоченным росой,
Пошла травой пахучей. Долом
Лежала тропка полосой.

Где цвет черемуха роняла,
Валилась на бок городьба,
А за пригорком выростала
Остроконечная изба.

Поставив ведра, вытирала
Слегка вспотевшее лицо,
Когда черемуха бросала
Цвет серебристый на крыльцо.

Лес поля замкнул в кольцо.
Ах, неделю ведро.
Как всходила на крыльцо,
Расплескала ведра.

Стыд девичий под платком
Прячется недаром.
Узкой тропкой босиком
Вот идет к амбарам.

Звезды. Бани. Косогор.
Тропкой путь короче.
Барский тянется забор.
Не итти нет мочи.

Посмотрела на восток —
За селом алеет.
Ах, любить недолог срок,
Побежать скорее.

Как рубила я капусту
На Покров-день.
Как огурчики солила
К Покрову-дню.

Приходил рядиться парень
На Покров-день,
Нарядилась я к обедне
К Покрову-дню.

Пироги пекла я с луком
На Покров -день.
С другом слезы проливала
На Николу-Вешнего.

У нас мальвы расцвели
алыми шелками,
И скворешницы с горы
видны за плетнями.

У нас сено на лугах,
да воза, да скрипы,
Да лягушки на пруду,
на погосте липы.

Наши крыши высоки,
крыши с чердаками.
У нас мальвы расцвели
алыми шелками.

СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЗ АЛЬМАНАХОВ
И СБОРНИКОВ

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

(Из П. Верлэна)

Долгих молений
Скрипки осенней
Зов однозвучный
Сердце волненьем
Ранит в томленьи
Осени скучной.

В полночь, былого
Слушая зовы,
Слезы я трачу...
Прошлого тени,
Лики, виденья
Чую и плачу...

Как облетевший,
Лист пожелтевший,
Вихрем я схвачен
Ночью на воле,
Там, где над полем
Небо все плачет.

КИММЕРИЯ

Разве мертвых любить невозможно?
К киммерийским иду берегам:
Я тебе, дорогая, отдам
Это сердце, что бьется тревожно.

Ты покоишься в гробе своем,
Серебристой парчею одета.
Это знайное, желтое лето
Догорает за нашим окном.

О, тебя ли земле я предам!
Ты, как воск в вечереющем храме.
Этот вечер рыдает над нами...
К киммерийским иду берегам.

Москва, 4 октября 1920 г.

Н. Я. С.

Ты со мною сейчас, в эти дни, а не ране,
Ты не в русских соборах, не на вырезах гемм —
Я хочу тебя видеть не в пеплуме и не в сарафане,
А в трагическом платье и в шляпе как шлем.

Ты со мной в эти дни, — в них становятся ближе
Парижанина сердцу таитянин и сарт, —
В этом платье эпохи Тайги и Парижа,
Кабарэ и оленей и юрт и мансард.

Твои косы — узор на моем изголовье,
Золотая, как бронза, в осенний закат,
Ты все та же, все та же, что и в Средневековье,
В эту позднюю осень, в ее листопад.

Ты все так же дрожишь первозданною лозой,
И твой шепот безумен, взор и нежен и нем
В дни, когда совершенством неслыханной прозы
Ряд веков завершает Ренье.

1926.

ЮРЗУФ

Друг мой, любимая моя надежда —
увидеть опять полуденный берег.

Пушкин.

Где смотрит крепость со скалы,
Забыты сны туманов невских,—
И моря Черного валы
Коснулись ног сестер Раевских.

Здесь дремлет пушкинский Юрзуп,
Судьбою Генуи отмечен,
И здесь, в изгнанье отдохнув,
Как «лаццарони» он беспечен.

Он верил: был на сей земле
В честь Девы храм в иные годы,
И видел деву на скале
Самой прекраснее природы.

«Полуденный увидеть берег
Любимая надежда» — к югу
Летя мечтой, смотря на снег,
Не потому ль писал он другу?..

Об авторе

Дмитрий (Димитрий) Иванович Кузнецов (6/19.8. 1896, Н. Новгород – 21.2. 1930, Москва?) — поэт, прозаик. Родился в семье земского врача. Окончил правовое отделение факультета общественных наук Московского университета (1922).

Дебютировал в «Нижегородском альманахе» (1916). Был хорошо знаком с нижегородцами И. Рукавишниковым, Б. Садовским. В Н. Новгороде посещал Литературно-художественный кружок студентов и студию Б. Садовского¹; в ряде источников имеется «литературным воспитанником» и даже «единственным “прямым” учеником» Садовского², а также его «ходатаем по литературным делам»³. И в самом деле, сохранившиеся произведения

¹ Изумрудов Ю. А. Судьба Ивана Ермолаева, земляка и знакомца Сергея Есенина // <http://osrussia.ru/content/sudba-ivana-ermolaeva> (cashed).

² Изумрудов Ю. А., там же; Молодяков В. Литературные игры Дмитрия Кузнецова // Молодяков В. Неизвестные поэты. Кн. вторая. СПб., 1996. С. 155.

³ Садовской Б. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М., 2010 (электронное изд.). См. в данном изд. шуточную поэму Садовского «Нэти», где Д. Кузнецов фигурирует как «Митя Близнецов, поэт / В атлас и бархат разодет».

Кузнецова свидетельствуют о значительном влиянии литературных установок Б. Садовского — от «ретроградных» стилизаций до зачастую эпатажных мистификаций.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ

НОВЫЕ СТИХИ

СБОРНИК ВТОРОЙ

И. Аксенов, А. Бельй, Н. Беренгроф, [В. Брюсов,] Ю. Верховский, М. Волошин, М. Герасимов, С. Городецкий, И. Грузинов, Р. Ивнев, Т. Казмичева, И. Каллинников, В. Кириллов, Ф. Коган, Н. Кутузева, М. Кузмин, Д. Кузнецов, К. Лаврова, Е. Ланин, Т. Левит, Э. Левонтич, О. Леонидов, К. Липскеров, Н. Манукина, А. Марненгоф, Н. Минаев, В. Монина, С. Нельдихен, Н. Оболенская, Н. Пресман, М. Ройзман, И. Рукавишников, А. Руставели, Б. Садовской, Е. Сокол, Ф. Сологуб, С. Соловьев, З. Сумская, М. Тарловский, М. Третеская, Д. Туманный, С. Укше, З. Успенская, [А. Фет,] В. Федоров, М. Фоломеев, А. Чачиков, А. Н. Чичерин, Г. Чулков, В. Шишков, Г. Шенгели, Г. Ширман.

МОСКВА 1927

В 1924 г. Кузнецов выпустил в издательстве ВСОПО сборник непрятательных стихотворений «Медальон», свою единственную поэтическую книгу. Публиковался также в сборниках «Плетень» (1921), «Новые стихи» (1927). Видимо, примыкал к расплывчатому

литературному объединению неоклассиков «Литературный особняк», во втором сборнике которого (1929) опубликовал стихотворение «Юрзуп».

Богемная поэтесса Н. Серпинская вспоминала в мемуарах «розово-улыбчатого, с простыми, открытыми чертами лица, поэта Дмитрия Ивановича Кузнецова. <...> Дмитрий Иванович, мягкий до слашавости, бредил каким-то мировым славянским собором. Объедки славянофильства, античность Вячеслава Иванова, панславизм перемешались в его голове в такую кашу, что он не мог связно никому объяснить, чего хочет. Иван Сергеевич [Рукавишников], очень добрый по натуре, жалел Кузнецова и старался продвигать его стихи»⁴. Стихи эти Серпинская, несмотря на посвященное ей стихотворение Кузнецова «Ты со мною сейчас...», прямо называет «плохими»⁵.

В 1929 г. с предисловием Б. Садовского вышла в свет единственная прозаическая книга Кузнецова «Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей». Как откровенно признавался автор, то был опыт «перенесения в наши дни темы и фабулы другого произведения, каковым в данном случае явился “Огненный ангел” Валерия Брюсова». Подобно роману Брюсова, «Елизавета» — проза «с ключом». Роль брюсовского графа Генриха играет в повести князь-белогвардец Георгий Раменский, он же поэт Леонид Рунов, в чьем образе угадывается прозрачно и панегирически описанный Н. Гумилев (несомненно, подобное описание требовало известной смелости). Все семь книг Д. Кузнецова, означенные на последней странице «Елизаветы» как «готовящиеся к печати» — два романа, четыре сборника стихотворений и поэма — остались неизданными и, если и были завершены, по всей видимости не сохранились.

Кузнецов долго пребывал в совершенной безвестности, пока в 1989 г. о «Елизавете» не вспомнил Н. Богомолов, справедливо усмотревший в книге «литературную игру, поддержанную и пре-

⁴ Серпинская Н. Я. Флирт с жизнью: (Мемуары интеллигентки двух эпох). М., 2003. С. 246-247.

⁵ Это стихотворение с такими строками, как «Твои косы — узор на моем изголовье», возможно, намекает на любовную связь; подобных приключений в биографии Серпинской, соблазнившей и Н. Гумилева, было немало. В повести Д. Кузнецова «Елизавета» имя Серпинской (Нина) носит одна из героинь.

Экземпляр
Марии Петровны
Кузнецовой

Д. Кузнецов
Марии
Кузнецовой.

19 2/11 29.

Дарственная надпись Д. Кузнецова матери на именном экз.
повести «Елизавета»

дисловием Бориса Садовского» — и увидевший в титульной героине-Елизавете А. Ахматову: «Сюжет “Елизаветы” практически совпадает с брюсовским, но важно то, что героиня легко узнается по описанию <...> Облик героини позволяет предугадать и того загадочного соперника повествователя, который появится под конец повести на портрете»⁶.

Шесть лет спустя «Елизавета» была републикована в журнале «Лепта» (1995, № 1), а в 2015 г. было предпринято «библиофильское» издание наследия Д. Кузнецова, вышедшее в количестве считанных экземпляров⁷.

⁶ Богомолов Н. «Таким я вижу облик Ваш и взгляд...» // Литературное обозрение. 1989. № 5.

⁷ Кузнецов Д. Овал портрета: Стихи и проза. Сост., предисл., подг. текста и прим. В. Э. Молодякова. Рудня-Смоленск: Мнемозина, 2015 (Серебряный пепел).

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга включает все известные нам произведения Д. Кузнецова. Все тексты печатаются по указанным ниже первоизданиям с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Исправлены очевидные опечатки.

Издательство Salamandra P.V.V. сердечно благодарит В. В. Нехотина и А. А. Степанова за помощь в подготовке издания.

Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей

Кузнецов Дмитрий. Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей. Предисл. Б. Садовского и автора. М.: Всероссийский союз поэтов, 1929. Тираж 1000 экз., вкл. 5 именных и 10 в переплетах.

Медальон

Кузнецов Дмитрий. Медальон: Стихи. С предисл. Ивана Рукавишникова. Обл. раб. Н. Медовщикова. М.: Изд. Всероссийского союза поэтов, 1924. Тираж 500 экз.

Осенняя песня (из П. Верлэна)

Нижегородский альманах. Н. Новгород: Т-во нижегородских литераторов, 1916. За подписью «Дм. Кузнецовъ».

Киммерия

Плетень: Литературно-художественный [сборник]. Пг., 1921. За подписью «Дмитрий Кузнецовъ».

«Ты со мною сейчас, в эти дни, а не ране...»

Новые стихи: Сборник второй. М.: Всероссийский союз поэтов, 1927. Посвящено Н. Я. Серпинской. За подписью «Дмитрий Кузнецов».

Юрзуф

Литературный особняк: Второй сборник. Стихи. М.: Изд. Коллектива Поэтов и Критиков «Литературный Особняк», 1929. За подписью «Дмитрий Кузнецов».

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.